

Вадим Петровский

**РЕФЛЕКСИИ ПО ПОВОДУ
ЮБИЛЕЙНОГО НОМЕРА ЖУРНАЛА
«РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ» (№ 2, 2014 г.),
ПОСВЯЩЕННОГО 90-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АРТУРА
ВЛАДИМИРОВИЧА ПЕТРОВСКОГО**

Дорогая Валерия Сергеевна!

Об Артуре Владимировиче Вы написали замечательно! Есть, разумеется, отношения «деятельностные» (деловые), «прогревающие» отношения личные, но есть и «личные», которые отнюдь не всегда нуждаются в подогреве. Они и без того теплые, а порой даже горячие.

Вы дали ёмкое, внятное изложение сути его теории. Вы нашли меткое определение сути Вашего видения роли Петровского в жизни Валерии Сергеевны Мухиной («покровитель»). Я думаю, папа, прочитав эти строки, согласился бы и с тем и другим.

Замечательно также и то, что написали о нем, не утаивая те стороны характера Петровского, которые Вы называли «сжигать мосты». Даже если мы разойдемся сейчас с Вами в интерпретации особенностей личности А. В., классно, что Вы написали об этом. Ваши слова только подтверждают: он был живой человек и остается живым.

Можно я скажу, что я думаю о нем в этой связи?

Сначала о том, как он относился к критике. Потом – на тему «мостов».

К критике мой папа относился спокойно... Хотя нет, скорее азартно. Он говорил: «Тю!..». Победительно улыбался и отвечал... Я знаю, что могло вызвать у него иную улыбку – горькую, хмурую, сопровождаемую резким поворотом головы по диагонали вверх («Ну и ну!..»). Это, например, бывало, когда, прочитав статью кого-либо из близкого круга коллег, он видел, что кто-то игнорировал то, чем он жил. А главным, чем он жил, были его статьи и книги. Это была наука, которую он открыл для себя дважды. Вначале – в качестве ее историка. Потом – в качестве ее участника, творца, оставившего свой собственный след в истории. Ему всегда было важно знать, что думают близкие, именно близкие ему люди – из тех, «кто понимает», – о том, что происходит «на переднем крае» его теоретических разработок. Он активно публиковал свои работы, много выступал (я так не умею, для меня так и осталось загадкой, откуда в нем было столько силы и энтузиазма). И если кто-нибудь из коллег проходил мимо его публикаций, он чувствовал себя задетым. Ему было важно знать их отношение к тому, что он пишет. Именно отношение – положительное или отрицательное – не суть («ввяжемся в драку, а там посмотрим», – говорил мой лояльный папа).

Надо сказать, что о некоторых работах своих коллег и друзей он говорил с восторгом (по-моему, знак истинного самоуважения без свойственной многим ученым паранойи возвышенного отношения к себе)*. С самого детства я слышал о молодой талантливой «Лерочке»: он рассказывал об ее экспериментах с детьми, потом уже я и сам слышал от нее самой о феноменах, лично ею добытых.

Когда я рецензировал Вашу мощную книгу, Валерия Сергеевна, всё думал: как бы папа отозвался о ней...

Нет, он не сжигал мосты, но мосты и впрямь начинали шататься, если с какого-то из концов ехал грунт; впрочем, длилось это недолго; применительно к тем, к кому относился отечески, он включал, как было написано в одной из его книг о воспитании, «помпы родительской любви» (не знаю, насколько удачно само выражение, но по себе помню, как недолго изливался родительский гнев громовержца на нерадивого сына, совершившего проступок в глазах отца). Да, папа гневался, но потом мирился и во все последующие времена о досадном эпизоде не вспоминал...

Я знал всего двух человек, которых он, пожалуй, не смог бы простить. Один из них – хорошо известный Вам персонаж, «ученик», с генетическим кодом Иуды. Другой... Но, к счастью, не о них сейчас речь.

...Я признателен Вам, Валерия Сергеевна, за идею Журнала, посвященного полностью Артуру Владимировичу. Ваше отношение к нему как близкому, дорогому Вам человеку вполне состоялось в этом небольшом очерке о нем, написанном с чувством любви, благодарности и уважения.

Личные отношения ведь не только «прогреваются», но и укрепляются «деятельностными». Ваше предложение посвятить Журнал папе – это, конечно, больше, чем просто «личное».

Его имя достойно того, чтобы остаться в истории.

А теория его – живет, она еще не скоро станет историей. И все публикации в Журнале – об этом.

Я часто мысленно разговариваю с отцом, вот и теперь, прочитав Ваше эссе, спросил у него: «Как тебе то, что сделала Мухина к твоему юбилею?»

Он отвечает: «Здорово!»

*Искренне Ваш,
Вадим Петровский*

* Любимая шутка: «Сначала он говорил: “Я!”.
Потом – “Я и Моцарт”.
Потом – “Моцарт и я!”.
Потом – «Только Моцарт!».